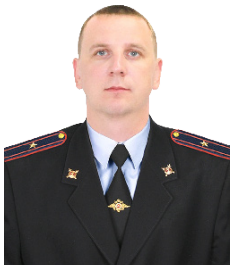

УДК 343.21

Евгений Сергеевич КВАСНИКОВ,

старший преподаватель кафедры уголовного права
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук

evgen1219@mail.ru

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА ОТ ОБЩЕСТВЕННО ВРЕДНОГО (ОПАСНОГО) ПОСЯГАТЕЛЬСТВА

NECESSARY DEFENSE FROM SOCIALLY HARMFUL (DANGEROUS) ENCROACHMENT

В статье рассматривается проблема уголовно-правовой оценки фактора внезапности посягательства при квалификации необходимой обороны в совокупности с проблемой реализации права на необходимую оборону от деяний, которые в силу административной преюдиции являются общественно опасными. Анализируются вопросы, связанные с оценкой субъективного восприятия угрозы обороняющимся лицом от посягательств, фактически обладающих свойством общественной вредности, но при повторном их совершении характеризующихся свойством общественной опасности.

The article considers the problem of criminal law assessment factor of suddenness of encroachment when qualifying necessary defense in conjunction with the problem of exercising the right to necessary defense against acts that are socially dangerous due to administrative prejudice. The issues related to the assessment of the subjective perception of a threat by a defending person from encroachments that actually have the property of social harmfulness, but when they are repeated, characterized by the property of public danger, are analyzed.

Ключевые слова: квалификация, необходимая оборона, внезапность, преступление, правонарушение, административная преюдиция, субъективный фактор.

Keywords: qualification, necessary defense, suddenness, crime, offense, administrative prejudice, subjective factor

В уголовном праве необходимая оборона (ст. 37 УК РФ) выступает в качестве одного из обстоятельств, исключающих преступность деяния. Как известно, такое обстоятельство способствует реализации конституционного права (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ) на защиту от общественно опасного посягательства посредством причинения вреда нападающему. Обусловленность закрепления норм о необходимой обороне не вызывает сомнения, поскольку последняя представляет собой

«non scripta, sed nata lex (Cicero pro Milone)» – закон не писанный, а закон природный. Как отмечал А.Ф. Кони, необходимая оборона существовала и существовать не перестанет, поскольку она основана на законе необходимости, который по своей сути вечен [4, с. 10-11]. Поэтому в уголовно-правовой доктрине необходимой обороне уделено повышенное внимание [9, с. 296], в том числе в связи с развитием общественных отношений, тенденцией цифровизации и автоматизации [5].

Закрепление данного обстоятельства в уголовном законе имеет большое значение, поскольку, по смыслу закона, оно гарантирует право каждого на защиту своей жизни, здоровья, свободы, имущества и других законных интересов от противоправных действий; стимулирует поведение граждан по самозащите и защите других лиц от преступных посягательств, тем самым способствует поддержанию общественного порядка и безопасности, исключает злоупотребление правом на защиту и предотвращает чрезмерное насилие ввиду регламентации пределов допустимого вреда, гарантирует юридическую защиту обороняющегося от необоснованного уголовного преследования.

Таким образом, основным предназначением института необходимой обороны является предоставление лицу возможности защищаться от противоправных посягательств без риска быть привлеченным к ответственности при условии, что действия по защите соответствуют установленным законом пределам необходимой обороны.

Вместе с тем следует отметить, что социальная обусловленность введения в действие отдельных норм права или нормативных правовых актов предполагает соответствие как законодательным ожиданиям, так и общественным интересам в совокупности, а совершенствование правоприменительной практики является одной из распространенных тенденций уголовно-правовой политики. Так, одним из актуальных вопросов применения современного уголовного законодательства является вопрос, касающийся реализации ст. 37 УК РФ. В обществе данный вопрос является злободневным, поскольку затрагивает не только интересы личности, реализующей поощрительную функцию уголовного права путем применения указанной уголовно-правовой нормы, но и аспекты справедливости в широком смысле этого слова. В практической деятельности популярность данной нормы при квалификации и рассмотрении уголовных дел по сравнению с другими уголовно-правовыми нормами, регламентирую-

щими обстоятельства, исключаящие преступность деяния, значительно выше [11, с. 454].

Более подробно остановимся на вопросе, связанном с субъективистским восприятием нападения обороняющимся, в том числе в связи с неожиданностью посягательства. В науке уголовного права вопрос о субъективном восприятии обороняющегося, действовавшего в состоянии необходимой обороны, обсуждался не единожды. Авторами были предложены различные варианты совершенствования правоприменения в исследуемой сфере. Например, такие варианты связаны с формулировкой понятия неожиданного посягательства [10], с рекомендациями исследования субъективного критерия, а не только объективного признака окончания права на необходимую оборону [1], с утверждением о презумпции прав обороняющегося [8].

Научные дискуссии о субъективном факторе обороняющегося связаны прежде всего с тем, что одно лишь закрепление данной нормы не констатирует факт надлежашего ее функционирования и реализации поощрительной функции уголовного права. Чрезвычайно важно, чтобы практика квалификации по ст. 37 УК РФ соответствовала и буквальному толкованию закона, и здравому смыслу, являющимся основой для законотворчества. Проблемы применения рассматриваемой уголовно-правовой нормы, инициатива ее совершенствования представителями законодателя¹ не свидетельствует о соответствии общественным интересам и законодательным ожиданиям. Но что препятствует правильному правоприменению? Субъективизм в восприятии обстоятельств нападения при квалификации со стороны правоприменителя или несовершенство законодательной конструкции?

В целях большей наглядности обозначения актуальности проблемы темы исследования затронем проблему субъективного фактора обороняющегося от общественно опасного посягательства. Так, помимо прочего, исходя из толкования ст. 37 УК РФ и п. 4 постановления Пленума Верховного

1 О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации : проект федерального закона N 122117-8 (в архиве).

Суда РФ от 27 сентября 2012 г. N 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (далее – Постановление Пленума), право на необходимую оборону возникает при внезапности нападения¹. Важно отметить, что ч. 2.1 ст. 37 УК РФ распространяет свое действие на регламентацию необходимой обороны в целом, независимо от конструкции ст. 37 УК РФ, то есть не важно, было ли насилие (или угроза такого насилия) сопряжено с опасностью для жизни (ч.1 ст. 37 УК РФ), либо нет (ч. 2 ст. 37 УК РФ). Так, например, суд признал виновной по ч. 1 ст. 105 УК РФ гр. Ф., которая утверждала, что ее действия, при отражении посягательства со стороны гр. Х, выразившегося в ее избивании последним, носили оборонительный характер. Гр. Х злоупотреблял алкоголем, систематически ее избивал в состоянии опьянения. Во время очередного конфликта, перерастающего в причинение ей побоев, гр. Ф, решив напугать гр. Х., сделала маховое движение рукой, в которой находился нож, в сторону Х., в результате чего перерезала ему горло. Мотивируя вынесенный обвинительный приговор, суд указал, что гр. Ф. могла объективно оценить характер и степень опасности действий гр. Х., так как его действия не были для нее неожиданными – подсудимая достала нож из шкафа с дверцами, который открыла левой рукой, а нож взяла правой рукой². Гр. П. была также осуждена по ч. 1 ст. 105 УК РФ в связи с тем, что между реальной угрозой причинения насилия, опасного для жизни, ей и ее ребенку со стороны гр. М. и ее действиями, выразившимися в нанесении ему удара ножом, был временной промежуток, во время которого ни внезапности нападения, ни угроз применения насилия со стороны потерпевшего не установлено, несмотря на то что

подсудимая утверждала об обратном. Так, изначально, находясь вне пределов дома, где находились гр. П и ее ребенок, гр. М. в состоянии алкогольного опьянения стучал в дверь и окно, пытался зайти в дом, словесно угрожая им топором. После этого гр. П. взяла кухонный нож, сама открыла дверь и ударила ножом М. в момент, когда последний находился рядом, но не высказывал угроз и не предпринимал попыток нападения³.

Таким образом, внезапность нападения является фактором, определяющим возможность причинителя вреда объективно оценить характер и степень опасности нападения. Вместе с тем вышеуказанное постановление расширительно раскрывает определение «неожиданных действий» для обороняющегося через оценочные признаки (время, место, обстановка, способ посягательства и др.), тем самым предоставляя правоприменителю право субъективистского толкования таких разъяснений. Следует отметить: термин «неожиданность», согласно толковому словарю, означает внезапность, непредсказуемость, непредвиденность, непредусмотренность⁴. Так, в темное время суток в ограниченном пространстве гр. Л. подвергся нападению со стороны С., вооруженного острым предметом. Во время отражения нападения гр. Л. нанес посягающему травмы, не совместимые с жизнью. Изначально Л. было предъявлено обвинение в совершении убийства, затем переквалифицировано на ч. 1 ст. 108 УК РФ, однако впоследствии Л. был вовсе оправдан за отсутствием в его действиях состава преступления. Как было установлено в ходе рассмотрения уголовного дела, неожиданность посягательства на гр. Л. обуславливалась внезапным, неспровоцированным нападением, беспричинной агрессией вооруженного нападавшего, скоротечностью ситуации, ограниченностью пространства, поэтому он

1 О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19. Пункт 4.

2 Приговор Октябрьского городского суда (Республика Башкортостан) от 28.11.2018 по делу N 1-300/2018. URL: //sudact.ru/regular/doc/tUsAMHmphYNR/ (дата обращения: 17.04.2024).

3 Приговор Куйбышевского районного суда г. Иркутска от 17.10.2017 по делу N 1-360/2017. URL: //sudact.ru/regular/doc/HtjOidVeXE1q/ (дата обращения: 17.04.2024).

4 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: //dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/124558 (дата обращения: 10.05.2024).

действовал в пределах необходимой обороны¹.

Если и при возбуждении уголовного дела, и при перекалфикации на менее тяжкую статью вышеуказанные обстоятельства были установлены, можно ли в таком случае говорить об ошибочном субъективистском понимании правоприменителем пункта 4 Постановления Пленума? Или имеет место следование правоприменителем по пути наименьшего сопротивления – простое желание сделать показатель по службе, направить дело в суд при наличии достаточной совокупности доказательств (признательных показаний обвиняемого, показаний свидетелей, и др.)? Не вдаваясь в причины первоначальной квалификации, факт ее неправильности остается фактом.

Если такие проблемы возникают при квалификации обороны от общественно опасных посягательств, но ввиду регламентации ст. 37 УК РФ и разъяснений Постановления Пленума эти проблемы все же разрешимы, то проблемы соответствующей квалификации при защите от посягательств, являющихся преступлениями ввиду административной преюдиции (в частности, речь идет о побоях), в настоящее время не решены. Реализация конституционного права на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом, посредством ст. 37 УК РФ существенно затрудняется при посягательствах, в юридическом смысле не обладающих свойством общественной опасности, но обладающих свойством общественной вредности – то есть при защите от административных правонарушений. И решение таких проблем значительно осложняется в связи с определением субъективистского восприятия нападения обороняющимся, в том числе в связи с неожиданностью посягательства.

Следует отметить судебную практику по наиболее распространенному преступлению против личности с административной преюдицией – ст. 116.1 УК РФ «Нанесение побо-

ев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость» за период с 2019 по 2023 г. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2019 г. число осужденных лиц по данной статье составило 1386, в 2020 г. – 1629, в 2021 г. – 1809, в 2022 г. – 1919, в 2023 г. – 5780. Представленные данные свидетельствуют не только о широкой распространенности рассматриваемого преступления, но и о геометрической прогрессии числа лиц, его совершивших, – за пять лет количество осужденных лиц выросло более чем в четыре раза.

В отличие от современного законодательства в советский период законодатель предусмотрел обстоятельство, исключающее административную ответственность за совершение соответствующих правонарушений, – необходимую оборону. Как и в действующем уголовном законе, в ст. 19 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях (далее – КоАП РСФСР) были закреплены положения, относительно недопустимости превышения ее пределов².

В современном административном законодательстве нормы о необходимой обороне не закреплены, однако действия, совершенные в состоянии крайней необходимости, не являются наказуемыми в соответствии со ст. 2.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Несмотря на это, в судебной практике в мотивировочной части решений (постановлений) допускаются упоминания о необходимой обороне. Так, при рассмотрении некоторых дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1. КоАП РФ «Побои», суды указывали: «Приведенные положения норм права свидетельствуют о том, что неосторожное причинение побоев или иных насильственных действий, а также совершение их в состоянии необходимой обороны или превышения необходимой обороны, состава административ-

1 Официальный сайт Иркутского областного суда. URL: <http://obsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=document&id=445> (дата обращения: 10.05.2024).

2 Кодекс РСФСР об административных правонарушениях : утв. ВС РСФСР 20.06.1984 // СПС «Консультант-Плюс».

тивного правонарушения по ст.6.1.1 КоАП РФ не образует»¹.

Вместе с тем при рассмотрении жалобы по делу об административном правонарушении этой же категории (мотивированной тем, что, по мнению заявителя, он находился в состоянии необходимой обороны, а также тем, что для образования состава побоев необходимо нанесение нескольких ударов, а он нанес всего один удар в район кепки, к тому же потерпевший его сам спровоцировал) суд указал: «Понятие «необходимая оборона» применимо лишь к уголовно-правовым отношениям. КоАП РФ не содержит нормы, позволяющей освободить лицо от ответственности при причинении вреда в случае необходимой обороны ... Обстоятельства конфликта не дают оснований для вывода о том, что ФИО1 совершал насильственные действия в условиях крайней необходимости. Из материалов дела не усматривается, что для ФИО1 опасность от действий потерпевшего 1 не могла быть устранена иными средствами и действия, квалифицируемые как административное правонарушение, – единственное, что могло бы привести к устранению опасности»².

Таким образом, необходимая оборона от административного правонарушения в том смысле, в каком она применяется в уголовном праве, напрямую не предусмотрена.

Однако насколько оправдан пробел в регламентации права на защиту личности обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно вредного посягательства и в УК РФ, и в КоАП РФ? Ведь ключевым моментом ст. 2.7 КоАП РФ «Крайняя необходимость» в плане права на устранение опасности является совокупность того, что эта опасность не могла быть устранена иным образом и причиненный вред должен быть менее значи-

тельным, чем предотвращенный. К тому же каким образом суду необходимо определять, единственным ли способом устранения опасности было совершение административного правонарушения?

Сказанное наталкивает на мысль о том, что возникают ситуации, когда, мотивируя решения, суды основываются на предположениях, что, соответственно, допустимым не является.

Конечно же, очевидна разница положений о причинении вреда в пределах необходимой обороны (чч. 2, 2.1 ст. 37 УК РФ – соответствие характеру и степени опасности посягательства), то есть возможность при обороне причинить равный, а то и больший вред, и положений о крайней необходимости, то есть возможность причинения вреда только менее значительного, чем предотвращенный. Насколько возможно действовать правомерно, то есть в состоянии крайней необходимости, при защите себя от посягательства, обладающего свойством общественной вредности? В некоторых ситуациях, возникающих в жизни, ввиду сложной человеческой природы и поведения, разумеется, дать ответ на данный вопрос будет проблематично.

К тому же формулировка ст. 2.7 КоАП РФ «если эта опасность не могла быть устранена иными средствами» является расплывчатой и дает повод толковать те или иные действия исходя из собственного субъективистского восприятия обстоятельств происшествия, что чревато неверной квалификацией.

Нельзя игнорировать тенденцию административной преюдиции, где фактически совершенные правонарушения, обладающие свойством общественной вредности, в связи с их повторным совершением становятся уже общественно опасными деяниями (например, ст. 116.1, 158.1, 264.1, 285.5 УК РФ и др.). Не углубляясь в проблему положительных

1 Напр.: постановление Абдулинского районного суда Оренбургской области от 30.10.2017 по делу N 5/1/-228/2017. URL: <https://actofact.ru/case-56RS0005-5-1-228-2017-2017-10-30-1-0/?ysclid=lysi0hhij4301205021> (дата обращения: 17.04.2024); постановление Усть-Большерецкого районного суда Камчатского края от 15.03.2017 по делу N 5-2-4/2017. URL: <https://actofact.ru/case-41RS0008-5-2-4-2017-2017-03-06-1-0/?ysclid=lysi3c5zw8636745076> (дата обращения: 17.04.2024).

2 Решение Котельничского районного суда Кировской области от 23.08.2019 по делу N 12-127/2019 (5-388/2019). URL: <https://actofact.ru/case-43RS0018-12-127-2019-2019-08-09-1-1/?ysclid=lysi4ftttr993413212> (дата обращения: 17.04.2024).

и отрицательных сторон административной преюдиции в уголовном праве, ее поддержки со стороны научного сообщества [2; 3] или ее критики [6; 7], отметим, что явление административной преюдиции в отечественном уголовном праве остается фактом, а следовательно, право на необходимую оборону от посягательств, фактически являющихся общественно вредными, формально УК РФ предоставляет.

Однако получается, что при защите от посягательства, формально не являющегося общественно опасным, но в силу административной преюдиции юридически обладающего данным свойством, у обороняющегося, например, от нанесения побоев возможности оценить общественную опасность посягательства нет. Иными словами, как в момент нападения можно узнать, был ли ранее нападающий подвергнут административному наказанию за нанесение побоев или имеет ли он судимость за преступление, совершенное с применением насилия? Если обороняющийся хорошо не знает историю жизни нападавшего, ответ очевиден – никак.

В таком случае и на вопрос о том, насколько возможно в данном случае установить субъективное восприятие обороняющегося от посягательства, фактически обладающего свойством общественной вредности, но юридически – свойством общественной опасности, ответить также будет крайне проблематично.

Исходя из этого приходим к выводу о том, что обозначенный пробел в законодательстве – отсутствие правомерной возможности причинения вреда при защите от посягательства, обладающего свойством общественной вредности, препятствует реализации конституционного права на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом.

На первый взгляд данная проблема имеет три варианта решения – либо концептуальная переработка положений ст. 37 УК РФ, а вместе с этим и отмена (либо переработка) Постановления Пленума, либо возврат нормы о необходимой обороне, предусмотренной КоАП РСФСР путем принятия соответству-

ющих изменений и дополнений в КоАП РФ, либо криминализация «безмотивных» побоев.

Однако идеи о концептуальной переработке соответствующих положений УК РФ, а также о целесообразности криминализации побоев, совершенных без побуждений и мотивов, требуют дополнительного обоснования. С одной стороны, в случае реализации таких идей право на необходимую оборону от такого рода посягательств получит юридическое закрепление, но с другой – введение уголовно-правового запрета должно быть социально обусловлено, должно соответствовать ожиданиям общества в целом. Криминализация новых деяний должна содержать и формальные, и материальные предпосылки, которые не допустят дисфункцию уголовно-правовой нормы. Поэтому эти идеи требуют дополнительного исследования и аргументации.

Таким образом, наше видение совершенствования правоприменения института необходимой обороны заключается, во-первых, в строгом учете субъективного восприятия внезапности нападения самим обороняющимся в совокупности с обстоятельствами, указанными в п. 4 Постановления Пленума (время, место, обстановку и способ посягательства, предшествовавшие посягательству события, а также эмоциональное состояние оборонявшегося лица) при защите от общественно опасного посягательства. Практика квалификации действий обороняющегося свидетельствует о том, что данное правило выполняется не всегда.

Во-вторых, устранение пробела в реализации конституционного права на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом, от посягательства, имеющего свойство общественной вредности (в частности, нанесения побоев) заключается в закреплении в КоАП РФ нормы о необходимой обороне, содержание которой будет идентично ранее действовавшей ст. 19 КоАП РСФСР: «Не подлежит административной ответственности лицо, хотя и совершившее действие, предусмотренное настоящим Кодексом или другими нормативными актами,

устанавливающими административную ответственность за административные правонарушения, но действовавшее в состоянии необходимой обороны, то есть при защите государственного или общественного порядка, социалистической собственности, прав

и свобод граждан, установленного порядка управления от противоправного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны».

Библиографический список

1. Аршинов, А.С. Наличие посягательства как условие правомерности необходимой обороны / А.С. Аршинов // Актуальные проблемы современной науки. – 2016. – Т. 1. – № 5. – С. 158-160.
2. Безверхов, А.Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы / А.Г. Безверхов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2011. – № 2 (10). – С. 39.
3. Капинус, О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики / О.С. Капинус // Журнал российского права. – 2019. – № 6. – С. 78-86.
4. Кони, А.Ф. О праве необходимой обороны / А.Ф. Кони. – М.: Остожье, 1996. – 112 с.
5. Ларионов, А.А. Использование автоматически срабатывающих и автономно действующих средств при необходимой обороне и проблема их использования / А.А. Ларионов, П.В. Тепляшин // Молодежь Сибири – науке России : материалы международной научно-практической конференции. Красноярск, 29 апреля 2013 года / Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии». – Красноярск, 2013. – С. 283-285.
6. Лопашенко, Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! / Н.А. Лопашенко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 3 (23). – С. 64-71.
7. Малков, В.П. Административная преюдиция в уголовном праве: за и против / В.П. Малков // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2011. – № 3. – С. 58.
8. Меркурьев, В.В. Особенности правовой оценки мнимой обороны / В.В. Меркурьев, И.А. Тараканов // Мониторинг правоприменения. – 2018. – № 2 (27). – С. 15-19.
9. Пархоменко, С.В. К вопросу о необходимой обороне в автономном режиме / С.В. Пархоменко // Проблемы современного российского законодательства, Иркутск, 18 октября 2012 года / Иркутский юридический институт (филиал) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации. – Иркутск, 2012. – С. 296-300.
10. Пикин, И.В. Необходимая оборона: особенности применения положений части 2.1 статьи 37 УК РФ / И.В. Пикин, И.А. Тараканов // Черные дыры в российском законодательстве. – 2017. – № 1. – С. 78-81.
11. Савельев, А.В. Социально-правовая характеристика института необходимой обороны / А.В. Савельев // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 8. – С. 453-458.